

Жуань Вэньцы пришел как раз вовремя, минута в минуту, остальные еще не собрались.

По знаку Ариан он занял второе место с левой стороны. Оглядевшись, Жуань Вэньцы обнаружил, что всего в зале стоит десять стульев.

Если считать тот, на котором сидела Ариан, ровно десять.

Эта перемена заставила его сердце пропустить удар. Жуань Вэньцы уселся и замер, словно статуя.

Умоляю, я только вернулся с грядки, я смертельно устал, пожалуйста, не трогайте меня.

Ариан обожала розы. Она положила цветок слева от себя и, вдоволь налюбовавшись, заметила, что ее второй брат витает в облаках. Ее губы, покрашенные кроваво-красной помадой, слегка приоткрылись:

— Братец, ты нервничаешь?

— Нет, я просто думаю, почему они до сих пор не пришли. Тратить еду и время — поступок безнравственный, а они умудрились совершить оба этих греха, — с праведным возмущением ответил Жуань Вэньцы.

— Братец прав. И правда, почему их до сих пор нет? Хочешь, я прикажу дворецкому поторопить их?

Жуань Вэньцы с улыбкой рассеянно кивнул и лишь спустя мгновение осознал, что именно сказала Ариан.

Дворецкий?

Разве это не Брат Чжуан?

Он что, сейчас здесь?

Ариан достала из бокового кармана платья ключ, который дал ей Граф, и слегка качнула им — раздался мелодичный звон.

В зале больше никого не было, и Ариан, подперев подбородок рукой, продолжала время от времени позвякивать ключом.

Жуань Вэньцы почувствовал неприятный укол: такое поведение... очень уж напоминало

дрессировку собаки.

Минуту спустя Брат Чжуан, Цао Сыхуа, Бай Юнь и Хань Хуаюн появились в зале с помрачневшими лицами. Похоже, одно из правил замка гласило, что необходимо беспрекословно подчиняться зову Ариан или звону ключа.

Бай Хао тоже пришел вместе с ними, но его лицо... он в любое время выглядел как покойник, так что невозможно было понять, в каком он настроении.

Бай Хао привычно сел слева от Жуань Вэньцы, то есть справа от Ариан, совсем рядом с ней.

— Сегодня такой чудесный весенний день, Ариан. Как насчет того, чтобы завтра вместе выпить послеобеденного чаю? — предложил Бай Хао.

— Конечно. Как я могу отказать в приглашении любимому братцу? — Ариан улыбнулась, но уголки ее губ, подведенные кровавой помадой, поднялись слишком высоко, отчего улыбка стала пугающей.

Ариан отдала приказ:

— Дворецкий, приведи остальных.

В отличие от того, как она общалась с Бай Хао и Жуань Вэньцы, при произнесении приказа лицо Ариан стало холодным. В ней не осталось ничего от юной девушки, зато она стала пугающе похожа на злодейку из сериала.

Брат Чжуан ответил коротким ест и отправился на поиски оставшихся троих.

Хэ Цы был занят изучением дневника и записей о жертвоприношениях предыдущих жен, найденных в его комнате, и совершенно потерял счет времени.

Чжоу Цици, будучи трусихой, решила отсидеться в своей комнате — в конце концов, за оставшиеся два дня она не умрет с голоду, а там как-нибудь перебьется.

Шэнь Сяюй... Цао Сыхуа нашла ее у входа в подвал.

На первом этаже была крошечная дверца, за которой скрывался узкий коридор с шестью маленькими комнатками, где жили слуги замка, включая Брата Чжуана. В самом конце коридора находилась еще одна, совсем маленькая дверь, сливающаяся со стеной — если не приглядываться, ее было не заметить.

За этой дверцей начиналась лестница вниз, ведущая в подвал.

Шэнь Сяюй лежала там без сознания.

Услышав новость о том, что сестрица упала в обморок, Ариан даже не моргнула глазом. Она просто велела Цао Сыхуа и Бай Юнь отнести ее на второй этаж, не проявив ни капли участия.

Похоже, Ариан действительно ненавидела сестру.

Все молча поужинали. В присутствии Ариан у Брата Чжуана не было никакого желания играть роль заботливого наставника, он просто уткнулся в тарелку.

Ариан перекинулась парой слов с Бай Хао и Жуань Вэньцы — обычное кокетство маленькой девочки, отвечать на которое было несложно.

После ужина Жуань Вэньцы вернулся в свою комнату.

Задернул шторы, запер дверь, умылся и с чувством выполненного долга лег в кровать.

Секундная стрелка бежала по циферблату, минутная гналась за ней, а часовая лениво топталась на месте.

Жуань Вэньцы поднялся и обулся. Он хотел рискнуть.

Днем эту штуку не разглядеть, а что насчет ночи?

Что касается девятого правила, оно не запрещало выходить ночью напрямую, а лишь просило не делать этого, делая акцент на лунном свете.

Значит, если очень хочется, выйти можно, просто на свой страх и риск.

Если умрешь — не жалуйся, что Подземелье не предупреждало.

Хотя это было похоже на самоубийство, Жуань Вэньцы до смерти хотелось узнать, что же означают эти яйца.

Он отодвинул штору и посмотрел в окно.

Стекла в замке были витражными, поэтому рассмотреть что-то снаружи было невозможно.

Свет, проходя сквозь цветное стекло, ложился на пол туманными многоцветными бликами. Снаружи было светло.

Жуань Вэньцы обернул руку шторой и медленно приоткрыл створку. Порыв ветра ворвался в комнату, заставив шторы затрепетать.

Аромат роз не рассеивался; ветер, подхватив цветочный запах, кружил по комнате, выметая из нее застоявшуюся духоту.

Жуань Вэньцы взбодрился и выглянул наружу.

Внизу расстиралось море ярко-красных роз, пылающих, словно огонь. Лунный свет окаймлял это пламя, не смея проникнуть в самую гущу аромата, лишь слегка окутывая его.

Со второго этажа было видно плохо, но Жуань Вэньцы смутно различил женскую фигуру.

Платье было чересчур пышным: слои тюля ниспадали с груди, колыхаясь на снежно-белой коже, и ниже талии сливались с цветами.

Когда дул ветер, кто мог бы разобрать, где заканчивается платье и начинаются лепестки?

Жуань Вэньцы взглянул лишь раз и тут же отвел глаза, не решаясь смотреть дольше.

Он осторожно закрыл окно и только собрался задернуть штору, как из соседней комнаты донесся пронзительный крик, перешедший в падение.

Кто-то выпал из окна!

Забыв о том, что его может осветить луна или заметить женщина в саду, Жуань Вэньцы распахнул окно — это была Шэнь Сяюй.

У нее кровоточил лоб, она в ужасе обхватила ноги руками и забилась в угол, тихонько всхлипывая.

Похоже, ничего страшного.

— С-с-с...

Жуань Вэньцы плотно закрыл окно и почувствовал жжение на руке. Покрасневшая кожа мгновенно покрылась волдырями, которые нестерпимо зудели и болели.

— Лунный свет и правда опасен. Поторопился я.

Жуань Вэньцы проколол волдыри ногтем, выдавил жидкость и пробормотал:

— Хорошо, что на лицо не попало, а то остался бы со шрамами.

Очистив раны, он направился в ванную.

Утром Бай Юнь выломала дверь в его ванную, инструментов для починки не было, да и жил он здесь всего три дня, поэтому он не стал ее чинить — теперь она открывалась от простого толчка.

Стоило ему войти, как сердце остановилось: на раковине сидела женщина в красном платье.

И это было бы полбеды, но ее губы были срезаны, а края кожи стянуты нитками.

Рот, лишенный губ, не закрывался, и нитки лишь удерживали края, чтобы нижняя часть лица не превратилась в сплошную дыру. Слюна непрерывно капала с подбородка.

Женщина смотрела на Жуань Вэньцы, ее лицевые мышцы дергались, пытаясь изобразить улыбку, но от натяжения нитей это выглядело жутко — то ли смех, то ли плач, а слюны стало еще больше.

Жуань Вэньцы не знал, что делать: то ли прижать руку к груди, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце, то ли бежать прочь из-за приступа брезгливости — запах от слюны исходил омерзительный.

Женщина указала пальцем куда-то за пределы ванной и исчезла.

Она ушла, но слюна осталась.

Жуань Вэньцы промыл руку, смыл слюну и посмотрел в ту сторону, куда указывала женщина — на кровать.

— Хм... Она ведь была женой Графа. Может, ее тело под матрасом, или она оставила какую-то подсказку, когда жила в этой комнате?

Он сдвинул подушки и одеяла, разобрал матрас, но ничего не нашел. В конце концов, в углу между кроватью и тумбочкой — там, где он вчера нашел яйцо — он заметил неладное.

Цвет стены в этом месте немного отличался: он был темнее.

Вчера он был слишком занят поисками яйца и не обратил на это внимания.

Достав лопату — он прихватил ее после работы в саду, и садовник ничего не заметил — Жуань Вэньцы начал понемногу соскребать краску.

Чем дальше он копал, тем сильнее хмурился. Распространился тошнотворный запах, еще более зловонный, чем слюна безгубой женщины; даже от дохлой крысы не воняло так сильно.

Запах стал невыносимым, Жуань Вэньцы закашлялся, задержал дыхание и с силой ударил лопатой еще пару раз. Показался полусгнивший край ткани.

Прежде чем лопата сломалась, он наконец вытащил то, что было замуровано в стене.

Разлагающийся, зловонный труп. Жуань Вэньцы узнал его.

Днем он видел человека в такой же одежде. Хотя лицо почти сгнило, некоторые приметы можно было различить.

Это был садовник.

Что ж, видел ли он днем призрака или что-то другое, Жуань Вэньцы уже не удивлялся. В конце концов, здесь оживали цветы и бродили жуткие женщины — он уже понял, что это не реальный мир, и любые сверхъестественные явления здесь были в порядке вещей.

Но... где ему спать сегодня?

Жить в одной комнате с трупом — увольте, на такое он не был готов.

Жуань Вэньцы вышел из комнаты и направился на кухню.

Правила запрещали ему входить в комнаты других игроков, так что оставалась только кухня.

На следующий день Жуань Вэньцы проснулся рано. Он почти не спал, под глазами залегли темные круги.

Было еще совсем рано. Жуань Вэньцы потянулся, размышляя, что делать с трупом в комнате. Не может же он просто оставить его там и не возвращаться.

А как же туалет?

Ванная в комнате была единственным удобством, предоставленным Подземельем, а в этом огромном замке не было даже выгребной ямы!

Жуань Вэньцы пришел на кухню переночевать. Вчера он не разглядел, что там к чему, а теперь, при дневном свете, увидел на плите котел... в нем варилось что-то, похожее на курицу?

Жуань Вэньцы с трудом мог описать эту субстанцию, она напоминала зелье ведьмы из мультфильмов его детства — съешь такое и точно отправишься на тот свет.

Он побоялся приглядываться, опасаясь отравиться одним лишь видом.

Вдруг он замер: в булькающем вареве мелькнуло что-то белое, но тут же пошло ко дну.

Он обыскал кухню, но в этом убогом месте не нашлось ничего, кроме ложки.

В отчаянии Жуань Вэньцы воспользовался Клинком столбняка, который дала ему мама, чтобы выловить предмет из странного супа.

Куриный остов наполовину растворился, оставшиеся кости рассыпались в труху при малейшем нажатии. А вот круглый предмет никак не поддавался: каждый раз, когда он поддевал его снизу, тот соскальзывал по стенке котла и падал обратно.

Потратив немало сил, Жуань Вэньцы наконец выудил яйцо.

Неизвестно, сколько оно пролежало в черном вареве, но яйцо осталось чистым, без следов странной жижи. Жуань Вэньцы не решился трогать его руками, а перекатывал ножом.

На тупом конце яйца виднелось черное пятно. Он соскреб его ножом и увидел буквы.

Ту Шань.

Жуань Вэньцы замолчал. Кто такой Ту Шань?

Он не помнил этого имени. В Подземелье все задания выдавались с использованием должностей — горничная, садовник, священник, — а испытатели называли друг друга по именам, но Ту Шаня среди них не было.

Подождите! Брат Чжуан, Цао Сыхуа, Шэнь Сяюй, Бай Юнь, Чжоу Цици, Хэ Цы, Хань Хуаюн, Бай Хао и он — всего девять человек! А в начале игры было десять!

Кто же был десятым?

Жуань Вэньцы вспомнил, как в самом начале кто-то рассказывал историю о Синей Бороде. Это был мужчина средних лет, у которого была дочь, и он хотел вернуться в реальный мир. Это был Ту Шань.

Вчерашние девять стульев, которые показались ему странными, теперь обрели смысл. Ту Шань, скорее всего, был мертв.

Умер еще до ужина.

Вот почему Ариан велела дворецкому привести Хэ Цы, Чжоу Цици и Шэнь Сяюй, но не позаботилась о забытом ими Ту Шане.

Вчера никто из них даже не вспомнил, что кого-то не хватает. Все забыли о Ту Шане.

Жуань Вэньцы не знал, что и сказать. Он не был знаком с Ту Шанем, и, честно говоря, горевать было не о чем, разве что возникло легкое чувство солидарности перед лицом общей участи.

Вчера умер Ту Шань, а сегодня или завтра может умереть он сам.

Жуань Вэньцы похлопал себя по щекам. О чем он только думает!

Что за упадничество!

Он должен вернуться, ему всего восемнадцать, он не хочет умирать! Он даже свою доставку еды не доел!

Жуань Вэньцы положил яйцо с именем Ту Шаня обратно в котел. Он не знал, умер ли Ту Шань потому, что на яйце появилось имя — на его яйце имени не было, — или же имя появилось после смерти. Он не мог забрать это яйцо, не зная, к чему это приведет.

Хотя он видел только два яйца, Жуань Вэньцы был уверен, что у каждого игрока есть свое, по одному на человека.

И почему яйцо Ту Шаня оказалось здесь?

Неужели призрак женщины от скуки решил его сварить?

Тогда это Подземелье должно называться не Исчезающие яйца, а Супермаркет: бесплатные яйца каждому гостю. Пришел — получил яйцо, а если ушел, его еще и сварят. Пенсионерам точно бы понравилось.

Жуань Вэньцы покинул кухню как раз в то время, когда Ариан спускалась к завтраку.

— Братец! — окликнула она его. — Ты так рано встал! Занимаешься зарядкой?

Вспомнив вчерашнюю отговорку, Жуань Вэньцы кивнул и спросил:

— Ариан, ты идешь завтракать?

Ариан покачала головой и застенчиво ответила:

— Нет, я слышала, что Граф любит розы, хочу вырастить для него одну своими руками.

Нет, сестренка, ты что, серьезно влюблена в этого бородатого Графа-свинью, который носит обтягивающий шелковый костюм, словно колбаса в оболочке?!

— Ты правда его любишь? — Жуань Вэньцы был в шоке. Он-то думал, Ариан выходит за него из-за власти или денег.

— Я люблю его. Граф такой хороший человек. Все окрестные деревни принадлежат ему, и он берет меньше аренды, чем другие, к тому же, к тому же! — румянец на щеках Ариан был таким ярким, что его не перекрыла бы даже пудра. — Я влюбилась в него с первого взгляда на ежегодном празднике!

Жуань Вэньцы мучительно поморщился. Казалось, средневековые западные представления о мужской красоте — густая борода, бледная кожа, ожирение и крепкие икры — были ему чужды, но он никак не мог принять, что юная девушка влюбилась в Графа-свинью, который годится ей в отцы!

Хотя, судя по всему, вкус у Ариан был весьма специфическим.

Жуань Вэньцы посмотрел на шляпку-кораблик на голове Ариан, на два ярко-розовых пятна румян на щеках, на черную родинку, нарисованную на лице, и на какие-то зеленые закорючки, тоже нарисованные на коже. И внезапно понял, что любовь Ариан к Графу — это вполне логично.

<http://bllate.org/book/20725/2074182>